

ВЛАСТЬ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.: ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

К.А. Соловьев

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: *В статье анализируются процессы формирования официальной идеологии в России во второй половине XV в. Как показывает автор, в основе официальной позиции в отношении власти государя всея Руси лежало три идеи, в разном их сочетании: идея «отчинной» традиции, в соответствии с которой власть великого князя должна была восприниматься как исторически обусловленная данность; идея богоустановленности власти, сужающая свободу маневра правителя и ограничивающая его волю; и идея правления по воле великого князя, сочетающая тираническое начало с традиционно-семейными ценностями и понятием долга. Однако официальная позиция власти в самом начале XVI в. все еще выглядит чрезвычайно слабой и именно этим объясняется появление именно в конце XV и в первой четверти XVI в. большого количества неофициальных идеологических и политических текстов, сложившихся в итоге в концепцию Москва — Третий Рим.*

Ключевые слова: *официальная идеология, легитимность власти, «отчинная» традиция, богоустановленность власти, Москва — Третий Рим.*

Представление о том, что последнюю треть XV в. в России можно рассматривать в качестве начальной стадии процесса формирования официальной идеологии, утвердилось в отечественной историографии в конце 1970-х годов¹. Наиболее распространенным стало мнение о том, что систематического и непротиворечивого изложения взглядов на прошлое, настоящее и будущее государства, на его участие в делах народа и влияние в различных сферах жизни еще не было в период правления Ивана III², хотя потребность в установлении офи-

¹Гольдберг А.Л. У истоков московских историко-политических идей XV в. — Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ), 1969, т. 24. — С. 147—150; Его же. К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. — М.: 1976; Хорошкевич А.Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. — М.: 1975. — С. 114—116; Синицина Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. — М.: 1998.

²Я.С. Лурье считал возможным существование «официальной консервативной идеологии» уже в 1470-х годах (Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. — М.-Л.: 1960. —

циальной позиции власти по поводу предпринимаемых этой же властью действий возникала все чаще.

Происходило это во многом потому, что в ходе формирования новой московской государственности традиционные представления о власти великого князя становились помехой, тяжелым грузом, лишавшим его возможности быстро и безболезненно внедрять новые формы управления. Но освободиться от этого груза было нелегко даже тем, кто выступал в качестве новаторов властной сферы. Великому князю и его помощникам необходимы были идеи, примиряющие традицию с новыми формами или же выдающие новое за давно известное. В то же время каждый новый политический шаг неизменно вызывал в стране и за рубежом вопросы, содержание которых обобщенно можно свести к одному: почему (и по какому праву) московский государь делает, то, что до него никогда не делалось. Ответы на эти вопросы (а иногда и объяснения, их упреждающие) позволяют увидеть, как и в каких условиях складывалась официальная позиция власти, как проходил отбор идей, отвечающих общим задачам правления в тот период, что думал о своей власти сам правитель России, великий князь Иван Васильевич III. Эти ответы-объяснения постепенно складывались в прообраз будущей официальной идеологии.

Первый случай, когда настоятельная потребность в выражении официальной позиции власти оказалась настолько высока, что нашла свое отражение в летописании, относится ко времени конфликта с Новгородом конца 1470 года. Попытки объяснить правоту московского государя начались сразу после того, как до него дошли вести о том, что «в отчине его Великом Новгороде возмятие велико»³. Оценка великим князем обстановки, когда практически произошло «отложение» новгородцев, пригласивших к себе вассала великого князя Литовского, князя Михаила Олельковича, из Киева, помещена во II Софийской летописи и представлена как «слова» сказанные великим князем «в сердце своем»: «„Праведен еси господи, прави суди твои, яко праведен господь правду возлюби, и правая виде лице его“. И сия помышля, жаловаших своеа отчины, не хоте видети многиа пролитиа крови християнска, глаголе в себе: „Многажды убо волны, приразившесь камени в пены разливаются, ничто же успеют, яко по смирании от него исчезают. Тако же и сии наши мужи новгородстии не первую сию нам измену показывают, но господь бог смирит их“»⁴.

Эта кроткая речь, для понимающих (то есть начитанных) людей того времени, наполнена грозным содержанием. Ее первая фраза — прямая отсылка к откровению Иоанна Богослова. Фрагмент, на который ссылается автор летописи, в полном виде, выглядит так: «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь. // И услышал я Ангела вод, который говорил: праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил; // за то, что они пролили кровь святых и пророков, Ты дал им пить кровь: они достойны того. // И услышал я другого от жертвенника говорящего: ей, Господи Боже Вседержитель, истинны и праведны суды Твои» (Откр. 16. 4-7).

Что же касается второй «мысли» великого князя, то, по всей видимости, она должна напомнить читателю фрагмент из 5-й главы Книги пророка Иеремии: «Выслушай это, народ глупый и неразумный, у которого есть глаза, а не видит, у которого есть уши, а не слышит: // Меня ли вы не боитесь, говорит Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положил песок границею морю, вечным пределом, которого не перейдет; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя они бушуют, но переступить его не могут. // А у народа сего серд-

С. 365, 366, 373). В полемике с ним было сформулировано положение о начальном, незавершенном характере становления идеологии в XV веке. Позже Ю.Г. Алексеев предложил более умеренный вариант термина для характеристики официальной позиции власти — «политическая доктрина» (Алексеев Ю.Г. Историческая концепция Русской земли и политическая доктрина централизованного государства // Проблемы отечественной и всеобщей истории. — 1987. — Вып. 10. — С. 140—154.).

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. 25 (Московский летописный свод конца XV в.). — М.: 2004. — С. 285.

⁴ Там же, т. 6, вып. 2 (Софийская летопись). — М.: 2001. — Ст. 188—189.

це буйное и мятежное; они отступили и пошли; // и не сказали в сердце своем: „убоимся Господа Бога нашего“... Как клетка, наполненная птицами, дома их полны обмана; чрез это они и возвысились и разбогатели, // сделались тучны, жирны, переступили даже всякую меру во зле, не разбирают судебных дел, дел сирот; благоденствуют, и справедливому делу нищих не дают суда. // Неужели Я не накажу за это? говорит Господь; и не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иер. 5; 21-29).

Здесь, в этих отсылках к библейским текстам, есть все: и измена, и суд, и месть, и кровь, и огонь. Но отправлять такое послание, полное намеков и зашифрованных угроз, не имело смысла: это было сказано (и записано) скорее для будущих читателей летописи. Тех, кто будет иметь время и желание разобраться во всех оттенках искусно сконструированной (и, скорее всего, никогда не произнесенной) речи великого князя. Официальное «Послание митрополита Филиппа»⁵, отправленное в Новгород, содержит совсем иные образы и опирается на иные цитаты. Оно начинается с упреков в стремлении к мятежу и расколу «святой Божии церкви», отступлении от «православия и от древниа державы» и тяготении «к Латынству». Далее, как этого требовали правила риторики того времени, намечаются своеобразные «опорные точки» для построения необходимой смысловой конструкции. Этими «опорными точками» служат отсылки к текстам Библии, создающие череду образов и одновременно — указания на признаки правильного либо неправильного политического поведения.

Первой такой опорной точкой становится образ «серпа» из книги пророка Захария («И вы Божия гнева убоитесь и Его страшнаго серпа»). Метафора «серпа» очень сложна, поскольку никакого серпа, что-либо скашивающего (как это можно было бы ожидать), в книге Захария нет. Прозвание Захарий-серповидец дано было ему за то, что он видел свиток, традиционно в иконописи изображаемый в виде серпа: «И опять поднял я глаза мои и увидел: вот летит свиток. И сказал он мне: что видишь ты? Я отвечал: вижу летящий свиток; длина его двадцать локтей, а ширина его десять локтей. Он сказал мне: это проклятие, исходящее на лице всей земли; ибо всякий, кто крадет, будет истреблен, как написано на одной стороне, и всякий, клянущийся ложно, истреблен будет, как написано на другой стороне (Зах. 5. 1-3). Общий смысл метафоры: отказавшиеся от клятвы (православию и великому князю) будут прокляты и истреблены. А для малосведущих в православной символике людей ярким зримым образом становится некий ниспосланный богом серп, скашивающий отступников.

Вторая отправная точка: «И вы от такового их злодейства возражайте по реченому: „Бежи греха яко ратника, бежи от прелести, яко от лица змиина“». Здесь содержится отсылка к «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова»: «Беги от греха, как от лица змея; ибо, если подойдешь к нему, он ужалит тебя» (Сир. 21. 2.). Специально или нет подталкивал митрополит Филипп своих адресатов к «Книге Премудрости», сказать нельзя. Но именно здесь в десятой главе содержится и поучение о мудром царе: «Мудрый правитель научит народ свой, и правление разумного будет благоустроено. // Каков правитель народа, таковы и служащие при нем; и каков начальствующий над городом, таковы и все живущие в нем. // Царь ненаученный погубит народ свой, а при благоразумии сильных устроится город. // В руке Господа власть над землею, и человека потребного Он вовремя воздвигнет на ней» (Сир. 10. 1-4). В этом поучении — сердцевина церковного учения о власти: она Богом дается и Богом отбирается. И не людям думать о том, какую власть выбирать.

Эта мысль находит подтверждение в следующем фрагменте послания — об истории «царствующего великого Константинополя», перешедшего к «Латынской прелести», отступившего «от истины» и погибшего. А в заключение своего послания Филипп прямо призывает новгородцев: «Смиритесь ему же Богом покорени есте, под крепкую рукою благовернаго и благочестиваго государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, вашего отчича и дедича». И он приводит, как последнюю опору своей конструкции, цитату из послания Пав-

⁵Послание цит. по Никоновской летописи: ПСРЛ. Т. 12. — М.: 2000. — С. 127—129.

ла: «Всяк повинующийся власти Божию повелению повинуется, а противящийся власти Божию, Божию повелению противится... Бога бойтесь а князя чтите, божий бо слуга есть, не туне меч носит, в месть врагам, в похвалу добродеем». Имеется в виду 13-я глава «Послания к римлянам»: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. // Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. // Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, // ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13. 1-4). При этом словесный оборот: «Бога бойтесь, а князя чтите», попавший в текст Филиппа не из послания Павла, а из первого послания апостола Петра — «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 3.14) — был известен на Руси по крайней мере с XI века. Он встречается в «Послании Луки Жидяты», первого русского, по своему происхождению, новгородского архиепископа⁶, что придает завершающей части послания митрополита Филиппа дополнительный смысл, обращающий новгородскую традицию против самих же непокорных новгородцев.

Итак, суть послания Филиппа укладывается в три цитаты и три постулата. Первый: не вам, людям, решать какова будет власть. Второй: решение о власти принято давно, оно исполняется из поколения в поколение, от дедов к отцам, от отцов — к ныне живущим. Третий: отступление от Богом установленно порядка ведет непокорных новгородцев к «серпу Захария», то есть — к истреблению.

А теперь обратимся к тому, какова была официальная позиция самого великого князя. В «Московском летописном своде конца XV в.» приведен содержательный фрагмент из письма великого князя новгородцам. В нем нет ученых слов, нет отсылки к книгам Ветхого и Нового завета, нет скрытых намеков. Вот он: «Отчина есте моя, люди Новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, перваго великого князя в земли вашей. И от того Рюрика даже и до сего дне знали есте один род тех великих князей, прежде Киевских, до великого князя Дмитрия Юрьевича Всеволода Володимерьского. А от того великого князя даже и до мене, род их, мы владеем вами и жалуем вас и бороним отселе, а и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрити начнете. А за королем некоторым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала. А нынче от христианства отступаете к Латынству чрес крестное целование, а яз, князь велики, ни которые силы ни чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, как было при отце моем, великом князе Василье Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князей рода нашего, но еще и жаловати вас хочу, свою отчину»⁷.

Подлинность этой записи косвенно подтверждается сообщением Псковской II летописи: «Тоа же зимы в рожественное говение приеха послом от великого князя с Москвы Ивана Васильевича всеа Руси боярин его Селиван поднимати пскович на Великои Новгород: аже ми не добиеть челом Великои Новгород о моих старинах, тогда бы есте моа вотчина Псков послужил мне Великому князю на Великий Новгород»⁸. Обороты: «отчина есте моя люди Новгородстии» и «есте моя вотчина Псков», совпадая и по смыслу и лексике, отсылают слушателей к «отчинной» традиции власти. Обвинение новгородцев в забвении «старин» (в обращении к псковичам), пересекается с указанием на эти «старины» от Рюрика и до отца великого князя в обращении к самим новгородцам. Очевидно, что письмо к новгородцам и об-

⁶Сергеевич В.В. Древности русского права. Т. 2. // http://statehistory.ru/books/Vasiliy-Sergeevich_Drevnosti-russkogo-prava--T-2--Veche-i-knyaz--Sovetniki-knyazya/94; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1 // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/10k/kartashev/russianchurch1/39.html>

⁷ПСРЛ. Т. 25. — С. 285.

⁸Псковские летописи. Вып. 2. — М.: 1955. — С. 173.

ращение к псковичам выдержаны в одном смысловом и терминологическом ключе, для которого Д.С. Лихачев подобрал определение: «теория киевского наследства»⁹, а А.Л. Хорошкевич — «патримониально-теократическая теория власти»¹⁰.

В письме великого князя к новгородцам всего пять предложений. Первое предложение формулирует принцип «отчинной» власти, сохраняемой одним родом и переходящей из поколения в поколение. Второе предложение дополняет этот принцип «преемственностью столиц»: Киев — Владимир — Москва. Таким образом, до появления теории «Москва — Третий Рим», формулируется теория: «Москва — третий Киев». Третье предложение раскрывает полномочия власти: жаловать, защищать, казнить. Четвертое возвращает читателей к теме исторической традиции — через отрицание возможности власти на Новгородской земле польского короля и великого князя Литвы. И только в последнем, пятом, возникает тема отказа новгородцев от православия.

Примечательно имя великого князя, чье правление избрано в качестве начальной точки «отчинной» традиции. Этот князь — не Рюрик, упомянутый в тексте как «первый князь» в земле новгородцев. Традиция ведется не от него, а от Владимира Святославича и (через упоминание Всеволода Большое Гнездо) до отца Ивана III, великого князя Василия Васильевича. Почему же Владимир? Возможно, потому, что он — первый князь, правивший в Новгороде не сам по себе, а как сын великого князя. Его фигура в таком случае должна была обозначать начало традиции перехода власти в Новгороде от отца к сыну, как семейное дело. Кроме того, Владимир — первый великий князь, совершивший самостоятельное властное действие по отношению к Новгороду — он утвердил там новую религию.

Другое возможное объяснение проще. Иван III начинает отсчет от Владимира Святославича, а заканчивает Василием Васильевичем в полном соответствии с текстом Новгородской I летописи младшего извода, Комиссионный список которой завершается 1439 годом. В этом своде содержится перечисление всех правивших в Новгороде князей. Начинается оно так: «А се в Новгороде первый князь по крещении Вышеслав, сын Володимир...», а заканчивается именами трех великих князей: прадеда, дела и отца Ивана III¹¹. Тем самым Иван III выдвигает новгородцам дополнительный довод: смотрите, я остаюсь в рамках той традиции, которая принята вашим официальным летописанием, я не выхожу за эти границы я тот великий князь, который должен быть по вашим собственным установлениям.

Таким образом, в трех рассмотренных текстах представлены две официальные позиции: церковная, отражающая концепцию богоустановленной власти (в сложном и простом вариантах) и великокняжеская — с опорой на «отчинную» традицию. При этом церковная позиция (в упрощенном варианте послания митрополита Филиппа) смещена в сторону «отчинной», поскольку великий князь в ней выступает не как отдельно взятый представитель божественной воли, но как «отчич и дедич», то есть представитель династии, что, впрочем, имеет очень давние корни. Еще в «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион настаивал на идее родовой преемственности правой власти: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твои Георгии, его же сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоих уставъ, нъ утвержающа, ни умяляюща твоему благовѣрию положения, но паче прилагающа, не казяща, нъ учиняюща»¹².

При этом позиция «отчинной» власти имела слабую сторону и не вполне соответствовала задачам нового правления. В 1433 г. отец Ивана III Василий Васильевич спорил в Орде со своим дядей Юрием Дмитриевичем о том, кто из них должен быть великим князем Владимирским: «Князь велики Василей Васильевич по отечеству и по дедству искаше стола свое-

⁹Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства. — М.: 1946. — С. 40.

¹⁰Хорошкевич А.Л. Ук. соч. — С. 114.

¹¹Новгородская летопись старшего и младшего изводов. — М-Л.: 1951. — С. 161—163.

¹²Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. — БЛДР Т. 1. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868>.

го, Юрьи Дмитриевич, дед его, летописцы и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея»¹³. Два представителя одной династии уже тогда, по сути, разодрали «отчинную» традицию великокняжеской легитимности на две части, что во многом способствовало началу «феодальной войны» и вызвало к жизни более десятка как старых и забытых, так и совершенно новых способов легитимации власти московского государя.

Одним из следствий феодальной войны стало то, что все поиски убедительного основания той или иной властной позиции оказались исчерпаны. Великий князь Василий Васильевич Темный, утвердившись на московском столе, предпочитал действовать без какого-либо официального заявления, как это было в случае с походом на Новгород: «За неисправление Новгородец поиде на них ратью». Летописцу пришлось тогда самому давать объяснение, которое было вложено в уста новгородцев, молящих архиепископа Ефимия, «что бы до конца не погыбли есмы за свою измену к нему, господину своему, великому князю». Ефимий, обращаясь к Василию Васильевичу, называл действия новгородцев «преступлением» и «согрешением». Сам же летописец цитировал 32-й Псалом: «И сбысться реченное пророческое слово над нами, глаголюще: „ложь конь во спасение, в множестве же силы своя не спается“». Цитата эта подобрана по необходимости и, возможно, второпях, потому что сильно искажена и, кроме того, обращена на сопротивляющихся «правителю», в то время как в самом псалме говорится о царе: «Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила. // Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею» (Пс. 32. 16—17). Смысл цитаты в отсылке к Притчам Соломона: «Коня готовят на день битвы, но победа — от Господа» (Притч. 21.31), что, впрочем, ничего не дает нового для понимания, того, почему Василий II считал новгородцев изменниками и на основании чего еще, кроме военной победы, мог привести «весь Новгород к целованию, что им быть у него в послушании»¹⁴. Четырнадцать лет спустя новый великий князь Иван III чувствует настоятельную потребность в объяснении причин похода и демонстрации своей официальной позиции. Со временем эта потребность все возрастала, часто вопреки желанию самого великого князя.

За восемь лет, прошедших между первым и третьим походами Ивана III на Новгород, угроза сопротивления власти великого князя Московского была сведена к нулю. «Антимосковская, по своему духу, боярская политика располагала лишь шаткими средствами дипломатии и социальной демагогии, — пишет о событиях 1476—1478 гг. В.Л. Янин. — Лишенная поддержки со стороны широких масс новгородского общества, она балансировала на туго натянутом канате дипломатических комбинаций, не будучи в состоянии отыскать более надежную опору»¹⁵. Позиции московского государя в Новгороде существенно усилились. Но при этом поступки Ивана III вступили в неразрешимое противоречие с традицией властного взаимодействия Новгорода и великого князя.

Новые принципы управления были изложены великим князем (не лично, а через ближних бояр) представителям новгородцев 7 декабря 1478 года. Делегацию велено было принять ближайшим боярам Ивана III, во главе с князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, который и выступал от имени великого князя. Новгородцы в своих челобитных ссылались на традицию: «Первая речь Якова Коробова с челобитьем, чтобы государь князь великий пожаловал, велел своему наместнику судити с посадником... а Лука посадник бил челом, чтобы государь пожаловал пригороды Новгородские держал своими наместники, а суд бы по старине был»¹⁶.

«Старина» для Новгородцев означает и то, что великий князь должен быть один. Они не обращаются к двум великим князьям: отцу и сыну, они знают одного — Ивана III. Кроме того, старина — это сохранение вечевого системы, а также «сместного суда» наместников ве-

¹³ПСРЛ. Т. 12. — С. 16.

¹⁴Там же. — С. 274—275.

¹⁵ЯНИН В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. — М.: 2008. — С. 325.

¹⁶ПСРЛ. Т. 12. — С. 180.

ликого князя и посадников. Логика новгородцев проста: «по старине» — значит без изменений. А другой «старинны» кроме прямого (через одного из членов его семьи) или опосредованного (через наместников) *участия* великого князя в управлении (прежде всего — в суде) придумать нельзя. Эта система в своей основе сложилась в XI веке, и никакой другой «старинны» не было.

Ответ великого князя прозвучал из уст бояр, но есть все основания полагать, что он не был импровизацией князя Патрикеева, а представлял собой письменный текст, зачитанный представителям Новгорода, а затем переписанный в летописный свод. Вот эти слова: «Били есте челом мне, великому князю, ты, наш богомолец, и наша отчина Великий Новгород, зовучи нас себе государи, да чтобы есмы пожаловали, указали своей отчине, какову нашему государству быти в нашей отчине в Великом Новгороде; и яз князь великий то вам сказал, что хотим господарства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве; и вы нынече сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти: ино, то, которое мое государство?»¹⁷.

Интонация победителя, звучащая в этом ответе, не оставляет новгородцам никакого другого выхода, кроме смирения и покорности, что и демонстрирует речь, произнесенная от имени новгородской делегации: «Мы своим государем великим князем урока не чиним их государству; но пожаловали бы наши государи свою отчину великие князи, явили то своей отчине великому Новугороду, как их государству быти в их отчине, занеже господине, отчина их великий Новегород Низовские пошлины не знают, как государи наши великие князи господарство свое держат в Низовской земле». Это полная капитуляция: обращаясь, теперь уже к двум великим князьям, новгородцы согласны на все, прося лишь разъяснить, как теперь будет устроено управление по незнакомым им обычаям. Ответ последовал в новой речи князя Патрикеева: «Князь великий тебе, своему богомольцу владыце, и вам, посадником и житиим и черным людям тако глаголет: ...ино наше государство великих князей таково: вечю колоколу во отчине нашей в Новегороде не быти, посаднику не быти, а господарство свое нам держати»¹⁸.

В этих двух речах, произнесенных от имени Ивана III, он как государь трижды отрывается от древней традиции, сохраняя при этом лишь два элемента древней формулы. Он по-прежнему именуется Новгород своей «отчиной» (1) и использует оборот «зовучи нас к себе» (2), что напоминает о ветхой старине — времени, когда новгородцы и в самом деле могли «звать к себе» того или иного князя. Но вводятся три новых элемента управления: отменяется договорный принцип взаимодействия великого князя и Новгорода (1), уничтожается городское самоуправление (2), организация власти в городе уравнивается с той, что действует в «Низовской земле», то есть в Москве (3). Основание для этих перемен одно — воля великого князя. Больше никаких оснований не приводится, да и не могло быть приведено, потому что в этот момент Иван III находился в идеологическом вакууме. Он не мог опереться на традицию, поскольку она не наделяла великого князя теми полномочиями, какие он себе присвоил. Он не мог привести в оправдание своих действий ничего, кроме конструкции: «Вы меня спросили — я ответил: будет вот так».

Слабость этой конструкции очевидна. Она подрывает легитимность власти великого князя во всех отношениях. Он теперь не может считаться носителем традиции и все упреки в ее, этой традиции, разрушении отныне будут обращены именно к нему. И он не может ответить на вопрос (не высказываемый, но подразумеваемый): а что теперь вместо традиции? Почему теперь будет так, а не иначе? Потому что великий князь силен, а Новгород слаб? Но это

¹⁷Там же. — С. 181.

¹⁸Там же.

объяснение тирана, а не государя¹⁹. И к тому же незримо встает новый вопрос, а что будет, если государь, по каким-либо обстоятельствам лишится своей силы?

У великого князя под рукой есть готовое объяснение собственной правоты, предлагаемое церковью, — богоустановленность его власти. Но ни в одной речи, обращенной к новгородцам, это объяснение не используется. Возможно, Иван III не хотел попасть в идеологическую зависимость от церкви. Может быть, за два года до обретения независимости, он психологически не готов был к роли «царя». Об этом косвенно свидетельствует «Послание на Угру» ростовского митрополита Вассиана. Представляется важным и то, что использование идеи богоустановленности предполагает, чтобы подданные великого князя были хотя бы в общих чертах с этой идеей ознакомлены. Трудно же убеждать новгородцев, в том, что великий князь им поставлен от бога, если они точно знают, что их предки князей приглашали и изгоняли, а бога не спрашивали.

Легитимация решений Ивана III по отношению к Новгороду прошла посредством обряда «крестоцелования», что означало некий компромисс между полным своеволием великокняжеской власти и «отчинной» традицией. 18 января 1478 г. к польскому королю Казимиру и наместникам Ивана III были направлены послы, с сообщением о крестном целовании и пересказом содержания грамоты: «На которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той грамоте государем своим и правили бы есте по тому крестному целованию; а что услышит кто у брата своего у Новгородца о великих князех, о добре и лихе, и вам то сказати своим государем великим князем; а что учнут великие князи с вами говорити которое свое дело, или бояря великого князя кой с кем от вас иметь которое дело великих князей говорити, и того вам государьского дела не проносити по тому крестному целованию»²⁰.

Право на власть Ивана III в отношении Новгорода с этой грамоты начиналось как с чистого листа, и это — вынужденный компромисс, в условиях, когда ничего другого для утверждения власти, кроме голой силы, нет. У крестоцелования есть одно достоинство: его веками использовали для закрепления договоров, следовательно, этот способ понятен и не может вызвать ни сомнений, ни возражений. Но у него три существенных недостатка. Первый — крестоцеловальные грамоты широко использовались в междукняжеских отношениях именно как форма утверждения договора. А Ивану III хотелось избежать договорных отношений с Новгородом раз и навсегда. Это следует из настойчивых отсылок к порядку «Низовской земли». Ведь с москвичами Иван Васильевич договора не заключал. Второй недостаток — продолжение первого. Князья заключали договоры и составляли крестоцеловальные записи в каждом поколении, а иногда и в одном поколении вынуждены были составлять новые грамоты, заменяя ими устаревшие. Это значит, что такие грамоты не дают и не могут создать династической традиции. Третий недостаток состоит в том, что попытки использовать крестоцелование как способ закрепить передачу власти по наследству уже использовалась в конце XII и начале XIII века. Все они потерпели неудачу. Смерть князя, заставившего представителей городских общин составить такую грамоту, обрывала легитимность его правления и вместе с тем сводила на нет действие крестоцелования.

Компромиссный характер крестоцелования не мог не ощущаться всеми, кто участвовал в этих событиях. Нужна была более устойчивая позиция власти. И нужны были новые средства (и формы) ее обоснования. Возможность перейти к этим новым формам представилась в 1480 году. И в том послании, которое епископ Вассиан отправил великому князю на Угру, помимо собственно призывов не уступать, добиваться независимости, содержались зерна новой легитимности.

Вассиан увязал их своим Посланием, скрепляя цитатами из священных текстов и отсылками к истории Руси. Главная мысль, пронизывающая все Послание от начала до конца, луч-

¹⁹Н.С. Борисов как раз и именуется Ивана III «прирожденным тираном» (Борисов Н.С. Иван III. — М.: 2000. — С. 259).

²⁰ПСРЛ. Т. 12. — С. 187.

ше всего выражена здесь: «Токмо мужайся и крепися, о духовный сыну, яко же добрый воинъ Христов, по евангельскому великому господню словеси: „Ты еси пастырь добрый, душу свою полагает за овца. А наемник нѣсть, иже пастырь, ему же не суть овца своя; видит волка грядуща, и оставляет овца, и бѣгаетъ; и волкъ расхитит и распудитъ. А наемник же бежитъ, яко наемникъ есть, и не радито овцах“. Ты же убо, государю, духовный сыну, не яко наемник, но яко истинный пастырь, подшися избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо духовных овецъ от грядущаго волка. А Господь Богъ укрепитъ тя и поможет ти, и все твое христоролюбивое воинство»²¹.

Цитированный здесь фрагмент взят из 10-й гл. Евангелия от Иоанна: в споре с фарисеями Иисус противопоставляет пастыря разбойникам. Эта же цитата была в свое время использована митрополитом Иларионом в «Молитве», завершающей «Слово о законе и благодати». Но там пастырь — Иисус: «Пастырю добрый, положивы имдушу за овцѣ, не остави насъ, аще и еще блудимъ, не отверзи насъ, аще и еще съгрѣшаемъ ти, акы новокупленни раби, въ всемъ не угодыще Господу своему»²². У Вассиана же пастырь — государь, который не имеет права покинуть свое стадо: «И гдѣ убо хочещи избѣжати или воцаритися, погубив врученное ти от Бога стадо?»²³.

Сама по себе концепция богоустановленной власти государя — доброго «пастыря» — цельна, логична, непротиворечива и не требует дополнительных «подпорок»; тем не менее, в Послании Вассиана они имеются. В этом смысле Послание напоминает готический собор: предполагается, что его огромная конструкция боговдохновенна и сама ее устремленность к «тверди небесной» не дает ей упасть. А на самом деле вес постройки принимают на себя контрфорсы, укрепляющие одну из стен. Первой такой опорой является цитата из «Пчелы», Византийского сборника изречений, составленного в XI в. и известного на Руси с конца XII в.: «Слыши, что глаголет Димокрит, философом первый: „Князю подобает имѣти умъ ко всѣмъ временным, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣт сладок“»²⁴. Вторая опора — отсылка адресата (то есть самого Ивана III) к столь почитаемой им «отчинной» традиции: «И поревнуй преже бывшим прародителем твоим, великим князем, не точию обороняху Русскую землю от поганых, но и иныя страны приимаху под себе, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимира, иже на греческих царих дань имали, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и иней мнози, иже паче нас вѣси». И третья — противопоставление истинного царя (пастыря) неистинному (разбойнику): «Но точию нашего ради согрѣшения и неисправления к Богу, паче же отчаания, и еже не уповати на Бога, попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашу окаанного Батыя, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска».

Отказ признавать за Батыем и его потомством царское достоинство — нечто абсолютно новое. Вот текст летописи, современной описываемым событиям: «Того же лета злоименный царь Ахмат Большая орды по совету братья великого князя, князя Андрея и князя Бориса, поиде на православное христьянство, на Русь... яко же при Батые бѣше»²⁵. Указание, на то, что братья великого князя были заодно с Ахматом, свидетельствует о том, что это было написано не ранее 1492 г., к которому относится в том же своде (как и других) обвинение князя Андрея в том, что он «посылал грамоты свои к царю Ахмату Большие орды, приводя его на

²¹Послание на Угру Вассиана Рыло (БЛДР. Т. 7. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5070>).

²²Там же. Т. 1. =4868.

²³Там же. Т. 7 =5070.

²⁴Там же.

²⁵ПСРЛ. Т. 25. — С. 327.

великого князя на Русьскую землю ратью»²⁶. В Софийской летописи, опирающейся на московское летописание 1480-х годов, под тем же 1480 г. сделана запись: «Прииде к великому князю весть, яко допoлна идет царь Ахмат со всею ордою своею и со царевичи»²⁷.

Это значит, что официальные документы той эпохи признавали царское достоинство ханов. Вассиан же предлагает Ивану III совершенно иную идеологическую конструкцию: ордынские ханы — узурпаторы и «разбойники», противостоящие доброму пастырю. Подлинный царь, «добрый пастырь», чья родословная идет от древнейших правителей Руси, смело боровшихся с царями Византии, — великий князь Иван Васильевич. Великий князь наделен всеми властными добродетелями, в кратком виде сформулированными в цитате из «Пчелы». Развернутая же формулировка выглядит так: «Тѣм же и пророческии рещи, Богом утверженный царю, — напрязи, и спѣй, и царствуй истинны ради, и кротости, и правды; и наставит тя чюдне десница твоя, престоль твой правдою, и кротостью, и судом истинным свершен есть, и жезл силы послет ти от Сиона, и удоуѣши посрѣди враг твоих. Тако глаголет Господь: „Аз воздвигох тя, царя правды, призвах тя правдою и приях тя за руку десную, и укрѣпих тя, да послушают тебѣ языци. И крѣпость царем разрушу, отворю ти двери и гради не затворятся. Аз пред тобою поиду и горы поравнаю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзныя сломаю“»²⁸.

Знаменательно, что Вассиан опирается и еще на одну из цитат — фрагмент из книги пророка Исаяи, где Бог обращается к царю Киру: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: «Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; // Я пойду пред тобою и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; // и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. // Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени, почтил тебя, хотя ты не знал Меня» (Ис., 45; 1—4). Сравнением с Киром, сыном мелкого персидского правителя, сумевшим покорить Мидию и Вавилон, Вассиан вселяет в Ивана III веру в еще больший успех — в том случае, если он сумеет выстоять в борьбе с Ахматом.

В «Послании на Угру», как в готовой декларации власти Московского государя, есть всё необходимое: условия, принципы, цели и задачи правления великого князя Всея Руси. При этом в тексте Вассиана отчетливо проведены два логических рассуждения. Первое: богоустановленность власти важна не сама по себе, на ней основано наделение правителя миссией пастыря. А эта миссия находит свое воплощение в двойной задаче правления: «хранить стадо» и отвечать за него. Второе рассуждение начинается с определения «истинности» власти пастыря, через утверждение «отчинной» легитимности Ивана III и «самозванства» ордынских ханов, а затем приводит к утверждению еще одной миссии — хранителя «правды» в своем народе. Только «царь правды», сочетающий в своем правлении достоинства ума, воинской доблести и «кротости», достоин власти. Оба построения сливаются в тезис о твердости и нерушимости истинной власти: «Се твердое, и честное, и крѣпкое царство даст Господь Богъ в руцѣ твои, Богом утверженный государю, и сыновомъ сыновъ твоих в род и род в вѣки»²⁹.

Если бы Послание Вассиана сохранилось отдельными списками или попало только в Софийскую летопись, автор которой явно сочувствовал великому князю Ивану Ивановичу и недолго любил великую княгиню Софью, это можно было бы объяснить стремлением выразить и сохранить оппозиционное настроение. Но Послание помещено во все летописные своды, созданные в Москве, и этому может быть лишь одно объяснение: не имея своей основа-

²⁶Там же. — С. 333.

²⁷Там же. Т. 6, вып. 2. — Ст. 291.

²⁸БЛДР. Т. 7. 5070.

²⁹Там же.

тельно проработанной и ясно выраженной позиции в отношении собственной власти и не имея возможности опереться на традицию легитимности, Иван III использовал текст Вассиана как временно действующую официальную доктрину. Это подтверждается «наказом» данным в 1489 г. Юрию Трахиниоту, отправленному к императору Священной Римской империи «цесарю Фредерику», посол которого прибыл в Москву с предложением королевской короны. «Наказ» гласил: «Государь наш — великий государь, урожденный изначала от своих прародителей. А и наперед того от давних лет прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими царями, которые Рим отдали папе, а сами царствовали в Византии»³⁰. Здесь проведена мысль из Послания Вассиана — о равенстве предков Ивана III с древними византийскими царями, только обидное для императора «на греческих царих дань имали», заменено более уместным «были в приятельстве и любви».

Представление о том, в какой степени официальная позиция могла расходиться с личным мнением великого князя, дает история с его ответом патриарху Зосиме, просившему смягчить наказание брату великого князя Андрею Большому. Суть этих событий изложена во многих летописных сводах под 1492 г.: «Сентября 20 князь великий Иван Васильевич всея Руси, сложив с себя крестное целование брату своему князю Ондрию Васильевичю за его измену, что он изменил крестное целование, думал на великого князя Ивана Васильевича, на брата своего старейшего з братьею, со князем Юрием и со князем Борисом и с князем Андреем, да к целованью приведе на то, что им на великого князя на брата своего старейшего с одного, да грамоты свои посылать в Литву к королю Казимиру, одиначася с ним на великого князя, да и сам с братом своим со князем Борисом отъезжал от великого князя, да посылал грамоты свои к царю Ахмату Большие орды, приводя его на великого князя на Русскую землю ратью, да с великого князя силою на Ордынского царя воеводы своего с силою не посылал, а все то чиня измену перед великим князем перед братом свои старейшим, а преступая крестное целование. И того ради повеле его князь велики изымати и посади его на казенном дворе в Москве»³¹.

Эта запись имеет все признаки официальной позиции (или, по характеристике Н.С. Борисова, «официальной лжи»³²): великий князь поименован в третьем лице; в ней перечислены все «вины» князя Андрея Углического; дана правовая оценка его действий — клятвопреступление, заговор, измена; указано действие по пресечению изменнической деятельности. Далее в летописных сводах — молчание, что и характерно для официального летописания: позиция изложена, вопрос закрыт, больше писать не о чем. И только в материалах к IV части «Истории российской» В.Н. Татищева сохранилась выписка из неизвестного источника, которой тот собирался дополнить сообщения Никоновской летописи: «Тогда собрашесь мнози князи и бояре, начаша просити митрополита Зосима, чтобы печаловался со властями о князе Андрее, и митрополит ниединова проси, тоже князи сродни. Князь же великий отрече, молвя: „Жаль ми добре брата моего и нехосчу изгубити его, а на себе порока положити, а свободити не могу про то, что ни единою зло на меня замышлял и братию свободил, а потом каялся. И ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати. Да то бы ничто, а когда я умру, то ему доставати великое княжение. А внук мой, кому великим князем быти, и он, коли собою того не достанет, то смутит дети моя, и будут воеватися межи собою, и татара, пришед, видя в нестроении, будут землю русскую губить, жечи, и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде. А что аз токо потрудися, и то будет все не во что, и вы будете раби татаром“». Се слышавшее, и умолкоша, не смеюче что речи»³³.

³⁰Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб.: 1851. — С. 17—18.

³¹ПСРЛ. Т. 25. — С. 333.

³²Борисов Н.С. Ук. соч. — С. 598.

³³Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 6. — М.: 1996. — С. 79.

Ответ великого князя митрополиту, содержащийся в этом фрагменте, по всем признакам, имел неофициальный характер: а) великий князь говорит о себе в первом лице; б) в ответе отсутствует перечисление вин Андрея, они даны обобщенно; в) добавлена вина, не попавшая в официальную версию — переманивал людей; г) сама интонация ответа — камерная, если не сказать — задушевная. При этом великий князь как бы отмечает, как несущественное, все то, что было помещено в официальное сообщение: «да то бы ничто».

Самое важное — в последней части ответа. Здесь Иван Васильевич сравнивает сложившуюся ситуацию с тем, что было с ним самим в детстве. Дядя его отца, а для него — двоюродный дед, князь Юрий Дмитриевич, заявил свои права на великое княжение в обход племянника и двоюродного внука, и началась «феодалная война», сопровождавшаяся вмешательством Орды в дела Руси. Именно этого стремился избежать великий князь, помещая в заточение своего брата. Своим ответом он показал: у него нет никаких оснований считать, что его власть, как и власть его преемника, может быть подкреплена чем-то кроме голой силы — все висит на волоске. Великий князь предстает здесь как человек, принимающий трагическое решение, губящий собственного брата и ищущий сочувствия или, как минимум, понимания. И он это понимание получил. Но как правитель он продемонстрировал крайнюю слабость своей властной позиции и еще то, что сам он не видит, чем эту позицию можно подкрепить. Поэтому, очевидно, его ответ и не был помещен в официальные летописные своды. Но сложившаяся ситуация подталкивала великого князя к идейному обоснованию преемственности власти, чем он, собственно, и занялся во второй половине 1490-х годов.

Череду летописных сообщений, в которых отобразился процесс официального обоснования великокняжеской власти, открывает речь великого князя при поставлении в 1496 г. митрополита. Преподобный Симон, игумен Троице-Сергиева монастыря, был «возведен на двор митрополичь» освященным собором 6 сентября. Само «поставление» нового митрополита состоялось 20 сентября. По окончании службы и перед возведением митрополита «на место» Иван III произнес речь: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всеа Руси государство, подает тебе сий святой великий престол архирейства митрополю всеа Руси, руковождением и священием святых отец архиепископов и епископов нашего Русийского царства; и жезл папства, отче, восприми, и на седалищи старейшинства святительскаго во имя Господа Иисуса Христа и пречистья Его Матери взыди и моли Бога и пречистую Его Матерь о нас и наших детех и о всем православии, и подаст ти Господь Бог здравие и долгоденство на многие лета»³⁴. Это вполне официальная речь. Во-первых, она произнесена на церемонии самого высокого уровня, в присутствии всех высших лиц церкви и государства. Во-вторых, в ней нет ни одного элемента личного высказывания из тех, которые были отмечены в ответе Ивана III митрополиту Зосиме. И наоборот, она содержит только официальные обороты.

Соответственно назначению, *личная позиция* великого князя не похожа на *официальную*. В ответе Зосиме Иван III открыто признает, что его власть и могущество — целиком и полностью дело его личного успеха: «А что аз токо потрудися, и то будет все не во что...» Это признание очень важно: Иван III не видит никаких иных возможностей закрепить свою власть, кроме насилия, применяемого, пусть с сожалением, но последовательно и неизменно, ко всем, вплоть до членов собственной семьи. По сути, это признание тиранического характера власти, и это государя Всея Руси, устроить никак не могло. В напутствии поставляемому митрополиту Симону Иван III в первый раз точно и без всяких оговорок утверждал богоустановленность своей власти: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всеа Руси государство...» Это тоже признание, из него следует, что иных идей относительно легитимности своей власти у великого князя не было. Традиционная — «отчинная» — легитимность нарушена с момента ликвидации новгородского веча. Другого обоснования, кроме

³⁴ПСРЛ. Т. 12. — С. 241.

того, что, с оглядкой на власть византийского императора, предлагала православная церковь с XI в., у него не было. И совершенно не случайно, что из уст великого князя эта концепция прозвучала при проведении церковного, а не государственного обряда.

Официальная позиция была высказана как будто не в связи с кризисом власти. До этого каждый раз важнейшие мысли о природе власти московского государя формулировались в тот самый момент, когда противостояние во властной сфере выходило на пик. И только высказывание 1496 г. внешне не вызвано какими-либо событиями, которые можно трактовать как угрозу со стороны. Но в действительности кризис власти существовал, но пока — в сознании великого князя, в его мыслях. Отвечая митрополиту Зосиме, он дал понять: следующий великий князь — внук Ивана III Дмитрий Иванович. В марте 1496 г. сыну Ивана III и его второй жены Софьи Василию исполнилось 17 лет, Дмитрию, внуку, в октябре — 13 лет. Борьба за наследование престола еще не выплеснулась наружу, но кому как не наследнику Василия Темного, ослепленного двоюродным братом, понимать, чем чревато противостояние его сына и внука?

Иван III здесь, как и в отношении Новгорода, действовал на опережение, не допуская спора о власти. Сначала он объявил о богоустановленности своего владычества, затем спровоцировал династический кризис, наложив опалу на сына Василия, и успешно преодолел его венчанием внука, Дмитрия, на великое княжение. Сообщения о так называемом «заговоре Гусева», раскрытие которого привело к опале Василия Ивановича и его матери Софьи (декабрь 1497 г.) и венчании на великое княжение Дмитрия (февраль 1498 г.) в летописных сводах идут встык³⁵ и должны восприниматься как стройное изложение одного процесса: твердого установления порядка престолонаследия.

Более того, в Софийской летописи вслед за венчанием Дмитрия Внука идет сообщение об опалах князя Ивана Юрьевича Патрикеева, его сына Василия и князя Семена Ивановича Рязанского, как будто и не было года между февралем 1498 г. и январем 1499 года. А в Вологодско-Пермской летописи сообщения об опале, наложенной на Василия Ивановича нет, но опала на Патрикеевых и Рязанского также дана сразу вслед за сообщением о венчании Дмитрия Внука, да еще добавлено о «поимании» князя Василия Ромодановского и Андрея Коробова³⁶.

Получается, что 1497—1499 гг. — это время серьезнейшего кризиса власти, о котором невозможно было промолчать, ввиду тех последствий, какие он имел для правителей. В условиях явной нестабильности разъяснение официальной позиции власти по вопросу о том, на чем же она, эта власть основывается, оказалось первейшей задачей великого князя. И он дал такое разъяснение как самой церемонией венчания внука на великое княжение, так и двумя своими речами, произнесенными в ходе этой церемонии. Речь первая, при начале обряда: «Отче митрополит! Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша, то и до сих мест, отцы наши великие князи сыном своим первым давали великое княжество, и яз был своего сына перваго Ивана при себе же благословил великим княжеством; Божия пак воля сталася, сына моего Ивана не стало живот, а у него остался сын первой Дмитрей, и яз его ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством Володимирским и Московским и Новгородским; и тем бы его, отче, на великое княжество благословил». Речь вторая, после обряда: «Внук Дмитрей! Пожаловал есми тебя и благословил великим княжеством, и ты имей страх Божий в сердци, люби правду и милость и суд правой и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве»³⁷.

Обе речи великого князя в совокупности являют тонко настроенный баланс трех властных теорий. Первая речь начинается с утверждения богоустановленности власти. Но эта богоустановленность относится не к власти Дмитрия, а к династической власти Рюриковичей.

³⁵Там же. — С. 246; т. 6, вып. 2. — С. 246.

³⁶Там же. Т. 26. — М.: 1959. — С. 291.

³⁷Там же. Т. 12. — С. 246, 248.

Затем следует утверждение, что «старина» состоит именно в соблюдении принципа передачи власти от отца к сыну, что никак не совпадало с реальностью. И, наконец, во второй речи, используя оборот «пожаловал есмь тебя», великий князь сводит воедино три основания: его личный выбор, осуществленный по «старине» и «по Божьему изволению» — вот основа настоящей и будущей власти его внука. Все то, что так кратко, но чрезвычайно емко изложено в двух речах Ивана III, не только не противоречит негласной позиции власти в 1480 г., реконструированной выше, но и в полной мере совпадает с тем, что писал на Угру в своем Послании епископ Вассиан. Божье благословение получает род правителей, а не отдельный его представитель (вопреки концепции власти митрополита Илариона), воплощением же истинности власти является правление «по правде и милости», как это было сказано Иваном III, или «правдою, и кротостью, и судом», как это написано у Вассиана.

Казалось бы, венчание Дмитрия Внука — эффектное и эффективное действие по пресечению кризиса во властной сфере, а речи, на нем прозвучавшие и зафиксированные летописными сводами — основа для формирования как действующей официальной позиции, так и будущей идеологии власти. Но в реальности все сложилось иначе. Безоговорочными победителями Дмитрий Внук и его сторонники при дворе Ивана III оставались чуть более года. 21 марта 1499 г., как сообщают летописи, «князь великий Иван Васильевич всеа Русии пожаловал сына своего Василия Ивановича, нарек его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков в великое княжение»³⁸. И летописец переходит к другим темам, таким, как закладка «каменного и кирпичного двора» и посольство Василия Третьяка в Литву. Объяснений, почему Иван III, сменив гнев на милость, вновь приблизил к себе опального сына и объявил его вторым, после себя, великим князем и государем, летописные своды, созданные в Москве, не содержат.

Но это не значит, что объяснения и не требовалось. Псковская I летопись под 1499 г. повествует о том, как псковичи, сохранявшие, в отличие от новгородцев, самоуправление, пытались выяснить: что же случилось, почему они отданы в какое-то фантомное «великое княжение Новгорода и Пскова». Приехавший к ним посол от великого князя разъяснил «псковскому князю Александру Володимировичю и посадником Псковским и всему Пскову, „что де я князь великий Иван сына своего пожаловал великого князя Василья, дал ему Новгород и Псков“; и посадники Псковские сдумавше со Псковичи, да послаша посадников своих... и по три боярина с конца, бити челом великим князем Ивану Васильевичю и внуку его Дмитрею Ивановичю, чтоб держали отчину свою в старине, „а который бы был князь великий на Москве, тот бы нам был государь“. И поехали посадники... к великому князю на Москву, и великий князь Иван Васильевич на наших посадников и бояр опалился: „чи не волен яз в своем внуке и в своих детех? ино кому хочю, тому дам княжество“; да дал княжество сыну своему Василью Новгород и Псков, а посадник Псковских Григорья Хрусталева да Федора унял у себе да всадил в костер, а посадника Стефана отпустил и с бояры. И приехал во Псков и послов аше посольство на вечи князи Псковскому Александру Володимировичю, и посадником и Псковичам на вечи: „чи не волен яз князь великий в своих детех и в своем княжении? кому хочю, тому дам княжение“, а инога ничего, ни поклона своей отчине не послал»³⁹.

Прежде, чем делать какие-либо выводы по содержанию этого сообщения летописи, отметим его необычное построение: речь Ивана III псковскому посольству повторена два раза. Первый раз эти слова приводятся как ответ Ивана III посадникам и боярам, прибывшим из Пскова, второй — в речи вернувшихся из Москвы послов. Задача повтора — показать, что ответ великого князя передан совершенно точно. Это важно для понимания аутентичности официальной позиции, выраженной в речи Ивана III послам.

³⁸Там же. — С. 249.

³⁹Там же. Т. 4, ч. 5 (Псковская 1-я летопись). — Л.: 1929. — С. 271.

Обращает на себя внимание то, что псковичи, отправляя посольство, выразили согласие, чтобы ими управляли и «по старине» и «по новине». По старине: тот, кто в Москве великий князь, тот и Псковом правит. По новине: псковичи обращаются к двум известным великим князьям: самому Ивану III и его внуку Дмитрию Ивановичу. Им непонятна лишь *новая новина* — переподчинение их формально третьему великому князю.

Ответ, полученный псковичами, свидетельствует, мягко говоря, о раздражении Ивана III. Арест двух посадников из трех, отправленных к нему псковичами, и нежелание передать «поклон» своей вотчине — более чем ясный знак того, что великий князь не намерен обсуждать эту тему. Это вполне понятно. Объяснение властных действий «по старине» уже перехватили у великого князя псковичи. Объяснение «божьим соизволением» уже было использовано при интронизации Дмитрия Внука, и ждать от Бога, что он раз в год будет менять властную конфигурацию в Москве, вряд ли стоило. У Ивана III для объяснения его поступка не осталось ничего, кроме его собственной воли, кое-как прикрытой ссылкой на семейную традицию: «чи не волен яз князь великий в своих детех». Другими словами, он совершил тиранический поступок, не сумел найти сколько-нибудь приемлемое объяснение и заявил: это мое семейное дело, такова моя воля. Закрепление перехода к тираническому образу действий выразилось в насилии по отношению к псковским послам. Псковичам не оставалось ничего иного, как смириться и признать волю великого князя. Но принципиально важен вопрос: был ли ответ псковичам случайным, первым попавшимся объяснением или московский государь сознательно предъявил новый подход к обоснованию и осмыслению его власти?

В январе 1503 г., после неудачного похода войска великого князя, возглавляемого его сыном Дмитрием, на Смоленск, в Москве приняли посольство польского короля Александра. Было заключено перемирие на шесть лет «от Благовещения, до Благовещенья, и грамоты перемирны написаша»⁴⁰. Ответное посольство к королю Александру было направлено в мае того же года. Возглавил его окольный П.М. Плещеев. Посольству был дан «наказ», то есть набор инструкций, обязательных для исполнения. Часть этого наказа непосредственно касалась того самого вопроса о характере власти великого князя московского, в связи с непонятным положением, сложившимся в правящей династии: в разное время два наследника Ивана III были объявлены великими князьями, при том что один — венчанный на великое княжение — находится в опале, второй — невенчанный — является фактическим соправителем.

Судя по тому, что текст «наказа» предвосхищал возможные вопросы, неясность с наследованием власти волновала многих и затрагивалась в ходе дипломатических переговоров. Вот ответ, предписанный Петру Плещееву и членам его делегации: «Спросит которого дочь великого князя, или иной кто в Литве, или Волошин, кто прилучиться к Литве, про то: как князь великий пожаловал сына своего великого князя Василья великим княжеством? И Петру с товарищи говорити: пожаловал государь наш сына своего великого князя Василия, учинил его государем так же, как государь сам на государствах своих, так и сын его, князь великий Василей, с ним на всех тех государствах государь. А взмолвят то: а ведь был князь велики наперед того пожаловал великим княжеством внука своего, и он у внука взял великое княжество? И Петру с товарищи говорити: который сын отцу служит и не норовит, ино отец того и жалует; а который сын родителем не служит... ино того за что жаловати. Да боле про то не говорити ничего»⁴¹.

Здесь важны несколько деталей. Во-первых, эта формула должна быть объявлена буквально каждому, кто будет спрашивать, начиная от жены короля Александра (дочери Ивана III Елены). Оборот «иной кто» означает, что этот ответ надо давать столько раз, сколько раз будет задан вопрос. Во-вторых, ответ уже никак нельзя назвать импровизацией. Если она и случилась при ответе псковичам, то в дальнейшем была скорректирована. Сравним: в ответе псковичам воля великого князя граничит с самодурством: «кому хочу, тому дам княжение».

⁴⁰Там же. Т. 12. — С. 257.

⁴¹Сб. РИО. Т. 35. — С. 429—430.

В «наказе» Плещееву это «хочу», по сути, заменено на «должен». Если сын «служит» отцу — его надо «жаловати», не служит — «жаловати» не за что. Образ отца-самодура затушеван. На первое место выступила фигура отца-государя, верного долгу и поощряющего служение себе как служение стране. В-третьих, формулировка исчерпывает предмет. Она содержит в себе все необходимое знание о власти великого князя и не требует никаких пояснений. Более того, возможность любых пояснений (и любых импровизаций) недвусмысленно пресекается текстом «наказа».

Стоит, наверное, обратить внимание на то, что ответ, предписываемый Плещееву, не содержит отсылок ни к властной традиции, ни к божественным установлениям. Воля великого князя в этом ответе явлена вне каких-либо объяснений и определений, кроме одного — его власть отеческая. Конечно, в отношениях отца и сына может подразумеваться огромное количество новых значений: и мудрость (опыт), и строгость (воспитание), и милость (отеческая любовь) и др. Но из предписанной Плещееву формулы убрано все, кроме тавтологического обоснования: Иван Васильевич имеет власть потому, что она у него есть. Потому что он получил ее от отца. И сын его Василий Иванович будет иметь власть потому, что получил ее от своего отца, служа ему, как этого требовал долг сына. И никаких иных оснований не требуется.

Формула власти, к которой была сведена официальная позиция в начале XVI в.: великий князь правит, потому что у него есть власть, — подтверждается официальным летописанием, повествующим о начале правления Василия III. Если Постниковский летописец, составленный в середине XVI в. (по мнению публикатора рукописи, М.Н. Тихомирова, дьяком Постником Губиным Маклаковым⁴²), содержит традиционную для летописания формулу: «И по великом князе Иване на великом княженъе седе сын его старейший князь велики Василей», то в официальных летописях ничего подобного нет. В Воскресенской летописи (и одном из списков Никоновской) правление Василия III отмечено отдельным заголовком: «Начало государства великого князя Василия Ивановича всея Руси». Но текст под этим заголовком демонстративно буднично: «Тое же осени князь велики Василей Иванович всея Руси после отца своего посмотри в шертныа грамоты...». Софийская вторая летопись и Вологодско-Пермская (как и другие списки Никоновской) обошлись вообще без заголовков⁴³. А ведь та же Никоновская летопись о переходе власти к Ивану III повествует так: «И седе по нем (великом князе Василии II. — К.С.) на великое княжение по его благословению сын его старейший князь великий Иван»⁴⁴. Эта видимая будничность — не что иное, как сознательное стремление отказаться от каких-либо попыток дополнительной легитимации власти великого князя. Был Василий Иванович правителем — им и остался; этот голый факт, содержащийся в летописании начала правления Василия III, перекликается с фразой из «наказа» Петру Плещееву: «Да боле про то не говорити ничего».

Потребность в официальной формуле власти с каким-либо ее обоснованием, выраженной от имени самого правителя, возникала во второй половине XV и в самом начале XVI в., в кризисные моменты. Дважды приходилось задумываться об этом в связи с утверждением власти великого князя всея Руси в Новгороде. Один раз — в связи с конфликтом между великим князем и его младшим братом. Все другие поводы выявления официальной позиции в той или иной степени связаны с династическим кризисом 1497—1499 гг. и его последствиями. Показательно, что ни приход войск хана Ахмата в 1480 г., ни присоединение Твери или Рязани не вызвали потребности в формулировке официальной позиции власти. Правда, в

⁴²Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. — Исторические записки. — 1954. — Т. 46. — С. 278—288.

⁴³ПСРЛ. Т. 13 (Никоновская летопись). — СПб.: 1904. — С. 1; Т. 8 (Продолжение летописи по Воскресенскому списку). — СПб.: 1859. — С. 245; Т. 6, вып. 2. — Ст. 374; Т. 26 (Вологодско-Пермская летопись). — М.-Л.: 1959. — С. 297.

⁴⁴Там же. Т. 12. — С. 115.

первом из упомянутых случаев эту работу взял на себя Вассиан, в то время как сам великий князь отмолчался. Что же касается Твери, то в официальном летописании право Ивана III на власть над этой землей не формулировалось никак. Указан лишь мотив его похода: он идет «за неправду» Михаила Тверского. Есть определение тверских князей и бояр как «кормольников», есть указание великого князя привести жителей Твери к крестному целованию⁴⁵. Но нет ни слова о том, по какому праву Иван III может править этой землей. Это наводит на мысль о том, что присоединение Твери (как и Ярославля, Ростова, Рязани) кризисом не считалось и идеологического объяснения не требовало.

На всем протяжении правления Ивана III официальная позиция в отношении власти государя всея Руси опиралась на три идеи, в разном их сочетании. Первая из них — «отчинная» традиция, в соответствии с которой власть великого князя должна была восприниматься как исторически обусловленная данность. Полученное от предков право распоряжаться русскими землями, подтвержденное поколениями сначала Киевских, затем Владимирских и, наконец, Московских князей было представлено как традиция в ее неизменности и непрерывности. Это самая понятная и действенная в Средние века концепция власти. Однако, во второй половине XV в. она вступила в противоречие с действиями великого князя, который принялся изменять традиционные формы отношений со своими подданными, вплоть до полного слома. Противникам утверждения новых властных отношений (прежде всего новгородцам и псковичам) было куда легче апеллировать к традиции, чем самому великому князю. Поэтому «отчинная» легитимность чем далее тем более утрачивала свою актуальность и ее приходилось если не отвергнуть совсем, то отодвинуть в тень.

Вторая идея, почти столь же древняя, как и первая, — о богоустановленности власти. Иван III почему-то пользовался ею с крайней неохотой. Источники свидетельствуют о непростых взаимоотношениях Ивана III с церковными иерархами. Тем не менее можно говорить о том, что попытки использовать концепцию богоустановленности предпринимались. К ней прибегали в смертельно опасной ситуации Стоянии на Угре и в сложных обстоятельствах при обосновании выбора Иваном III Дмитрия Внука в качестве наследника. Но в полной мере возможности этой концепции использованы не были. Возможно, потому, что признание богоустановленности власти в конечном счете обязывало к формированию твердых обычаев и ненарушаемых ритуалов, сужая свободу маневра правителя и ограничивая его волю. Ему пришлось бы признать, что закон (божественный) выше его. А он к этому не стремился.

Третья — правление по воле великого князя. Тираническое начало, заложенное в этой концепции, во многом соответствовало самой политике Ивана III и формам ее проведения. Но тирания не нуждается в легитимации. Более того, в каждый момент перехода полномочий от одного правителя к другому какое-либо обоснование не укрепляет, а ослабляет власть. В период же кризиса оно вредит правителю уже тем, что признает возможность появления вопросов по отношению к властным действиям, на которые дает только один ответ: потому что такова воля государя. Именно к такому ответу, в итоге, и пришел Иван III, что его, видимо, не вполне устраивало, поэтому тираническое начало этой концепции было смягчено ссылкой на традиционно-семейные ценности и идею долга («служения»). Тем не менее официальная позиция власти, в том виде, в котором она действовала в самом начале XVI в., выглядит чрезвычайно слабой; возможно, таковой она представлялась и современникам. И именно этим можно во многом объяснить появление именно в конце XV и в первой четверти XVI в. большого количества неофициальных идеологических и политических текстов, сложившихся в итоге в концепцию Москва — Третий Рим.

⁴⁵ Там же. Т. 18 (Симеоновская летопись). — М.: 2007. — С. 271.